

А ОСТАНОВКА

РАСПИСАНИЕ		
27	6.00	23.10
31	6.15	22.45
47	6.30	22.30
56	6.50	21.50

Владимир Дубакин

Владимир Дувакин

Остановка

<https://litres.ru/74568463>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если вы всю жизнь отчаянно стремились к чему-то самому сокровенному, но так до этого и не дошли?

Михаил Петрович — одинокий пожилой токарь, чей тихий быт в старой «хрущёвке» согревают лишь редкие звонки любимой дочери Маши. Конец 80-х, долгожданная путевка на юг, предпраздничная суeta и обещание обязательно заехать перед поездом. Но роковой случай ломает привычный маршрут.

Обычный дождливый питерский вечер. Старая автобусная остановка. Одинокое драповое пальто и обманчивое тепло, уносящее мысли к залитой солнцем Ялте тридцатилетней давности.

Психологическая драма о том, как хрупка граница нашего разума, и о том, что самая страшная тюрьма — та, из которой ты даже не пытаешься сбежать, потому что искренне веришь, будто ты на свободе.

Владимир Дувакин

Остановка

Остановка

Михаил Петрович любил вечернюю тишину своей двухкомнатной «хрущевки». В ней пахло старыми книгами, сушеной мелиссой и нагретым ламповым телевизором «Рекорд», который тихо бормотал в углу гостиной.

Старик сидел в глубоком кресле с потертыми подлокотниками. На нём была старая, фланелевая рубашка в блеклую клетку, аккуратно заштопанная на локте — Машка всё грозила её выбросить, но он упрямо не отдавал. Из-под завернутых рукавов виднелись его руки: тяжелые, с узловатыми венами и вьёвшимися под кожу темными мозолями от сорока лет работы у токарного станка на заводе. На бледном, иссеченном глубокими морщинами лице застыло выражение привычной, мягкой усталости. Он медленно пригладил ладонью жидкие седые волосы, отросшие чуть длиннее обычного — всё никак не доходили ноги до парикмахерской на углу.

Он не спеша налил в фарфоровую кружку некрепкий чай. Пальцы слегка подергивались, когда он опускал на застеленный газетой стол два овсяных печенья. На комод, рядом с кассетным магнитофоном, стояла фотография в скромной

деревянной рамке. Михаил Петрович перевел на неё взгляд своих выцветших, но всё ещё добрых глаз. С фотографии улыбалась его покойная жена Леночка — молодая, со смешными кудряшками, точно такая же, какой сейчас была их дочка Машка.

Тишину квартиры бесцеремонно разорвал тяжелый, дребезжащий звонок дискового телефона, стоявшего в коридоре. Михаил Петрович тяжело поднялся, придерживая рукой ноющую поясницу, немного постоял, ловя равновесие, и шаркающей походкой подошел к аппарату.

— Да, слушаю, — произнес он, снимая увесистую пластмассовую трубку.

— Пап! Пап, это я! Из автомата звоню, тут очередь, у меня всего две двушки остались! — из динамика пробился далекий, трескучий голос Маши, перекрываемый шумом весенней улицы и гудками машин. Она буквально задышалась от счастья. — Папуль, мне категорию повысили! Всё, утвердили! Пашка от радости путевки в Крым достал, в санаторий, по горячей! Представляешь? На две недели к морю! Выезд уже завтра вечером, поезд в одиннадцать!

В груди у Михаила Петровича сладко и горячо разлилась гордость за своего ребенка. Его осунувшееся лицо мгновенно посветлело, а глаза увлажнились.

— Умница ты моя, Машенька, — искренне, с подступившими к глазам слезами сказал старик. — Как я за вас рад, Господи... Летите, то есть, езжайте, конечно, погрейтесь на

солнышке. За Пашку твоего порадуюсь, а то он бледный совсем от этих своих чертежей.

— Пап, у нас тут просто суматоха жуткая, надо чемоданы собрать, Паше брюки погладить, ключи бабе Шуре из тридцатой квартиры оставить, чтоб за геранью присмотрела... Голова кругом! Но ты не переживай, мы обязательно к тебе заедем перед вокзалом. Хоть на пять минут, обнимем тебя, гостинцев оставим. Жди нас завтра вечером, хорошо? Ой, всё, копейки полетели, отключаюсь! Целую, пап!

В трубке раздались частые, равнодушные гудки. Михаил Петрович медленно опустил руку, бережно укладывая трубку на рычаг. Одинокая квартира снова замкнулась вокруг него, но теперь она казалась согретой её голосом. Он вернулся в комнату и посмотрел на фотографию жены.

— Слышала, Лен? — тихо прошептал он, и на его лице расплылась мягкая улыбка. — Повысили нашу Машку. К морю едет...

Он протянул руку к кружке с чаем, но пальцы вдруг перестали его слушаться. Фарфор глухо звякнул о стол, проливая коричневую жидкость на газету.

Входил в грудь, прямо за ребрами, странный, огромный и давящий спазм. Боль не была резкой — скорее, массивной, словно ему на грудную клетку медленно опускали тяжелую бетонную плиту. Воздух в комнате резко закончился. Михаил Петрович попытался сделать глубокий вдох, но легкие от-

казались работать. Его повело в сторону. С трудом цепляясь слабеющими токарными пальцами за край стола, он сполз на ковер. В глазах начало стремительно темнеть, а по левой руке разлилось ледяное онемение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.